

УДК 81'27 : [811.112.2 + 811.161.1]

ББК 81.001.2

Н 59

Нечай Ю.П.

Доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Кубанского государственного университета, e-mail: nechay_ur@mail.ru

Шишкина А.Г.

Преподаватель ИНСПО Кубанского государственного университета, аспирант кафедры общего языкознания Адыгейского государственного университета, e-mail: fob1ks7@mail.ru

Немецкие и русские волшебные сказки: национальный колорит *(Рецензирована)*

Аннотация:

Рассматривается своеобразие немецкой и русской волшебной сказок, их неоднородность по содержанию и по форме. Проводится лингвистический анализ их формирования, исследуется специфика национальных колоритов, схожести и несовпадения типов и видов речевых описаний, а также общечеловеческих свойств и качеств героев. Теоретическая значимость исследования состоит в том, что на материале сказок исследуется восприятие современными носителями разных этносов фрагментов языковых картин мира, сформированных в предыдущие эпохи. Практическая значимость работы обусловлена возможностью использовать сопоставительный анализ персонажей сказок на другом языковом материале. Установлено, что сходство и различие сказочных мотивов обусловили социальная среда возникновения самой сказки и общность исторических условий определенных эпох, в которых проживали немцы и русские.

Ключевые слова:

Устное народное творчество, волшебная сказка, жанр, сюжет, лингвокультурная общность, национальный характер.

Yu.P. Nechay

Doctor of Philology, Professor of the Department of German Philology, Kuban State University, e-mail: nechay_ur@mail.ru

Shishkina A.G.

Teacher of the Institute of Primary and Secondary Vocational Education and Training, Kuban State University, Post-graduate student of the General Linguistics Department, Adyghe State University, e-mail: fob1ks7@mail.ru

German and Russian fairy tales: the national peculiarities

Abstract:

The paper deals with the peculiarities of German and Russian fairy tales, their heterogeneity in content and in form. The linguistic analysis of their formation is carried out. The specific national colouring, similarities and discrepancies of types and kinds of verbal descriptions, as well as universal human characteristics are discussed. The theoretical significance of the work is in the author's attempt to study how through the example of fairy tales

modern speakers of different ethnicities perceive the fragments of the linguistic view of the world, formed in the previous periods. The practical significance of the work is stipulated by the fact that it allows employing the comparative analysis of fairy tales characters within another language material. The paper concludes that the similarities and differences of fairy-tale motifs can be explained by the social environment of the tale creation and historical conditions of certain periods, under which the Germans and Russians lived.

Keywords:

Folklore, fairy tale, genre, plot, linguocultural unity, national character.

В современных условиях межкультурной коммуникации любому представителю этнокультурной общности необходимо владение определенным запасом знаний схожих и отличительных признаков собственной и мировой культуры. Неоценимую помощь в этом может оказать народный фольклор, представляющий собой своего рода связующее звено в хронологическом отрезке от древнейших времен до наших дней. Особая роль при этом отводится волшебной сказке, которая является достаточно структурированным жанром народного творчества и в наибольшей степени подчиняется определенным законам. Ее красочный мир способен не только глубоко проникать в душу народа, но и формировать в подрастающем поколении определенное отношение к окружающей действительности, к человеческим поступкам, вызвать стремление подражать хорошему и противиться плохому. Именно волшебная сказка способна сформировать образ настоящего героя, который не является перевоплощением бога, шамана, святого и т.п. Ее героем становится тот, кто был первой жертвой разложения рода или большой патриархальной семьи, кто исторически был обездолен в результате перехода от рода к семье – ячейке классового общества. Типология такого социально обездоленного героя рефлексирована в образе бедного сиротки, младшего брата-дурочка, падчерицы-замарашки, а изображение семейных распрей в сказке отражает разложение рода и большой патриархальной семьи. Именно он и становится центральной фигурой волшебной сказки. Наряду с этим героем в сказке появляется

и социальная коллизия, герой становится выразителем общественного идеала, а его счастливая судьба – средством реализации народного идеала [1].

В этом жанре народного творчества уже произвольно заложены как отличия жизненного уклада разных народов, так и трансформируются их многовековая самобытная история, традиции, обычаи и суеверия. При этом, особую значимость этот «золотой фонд» приобретает также при изучении иностранных языков, поскольку он предстает не как некая вымышленная история, а как историческое произведение, несущее в себе нужную и полезную для всех информацию [2].

Нельзя не заметить, что и немецкие, и русские волшебные сказки несут в себе значительный объем общего смысла, например сюжеты добра и зла. Тем не менее, нельзя не заметить, что в русской сказке понятия добра и зла существенно размыты, поскольку свои поступки герои совершают исходя из целесообразности, а не в силу каких бы то ни было законов. В немецкой же сказке понятие справедливости социально обусловлено. Немецкий дурень не преступит наказ волшебника из «Сказки о том, кто ходил страху учиться», который за совершенный подвиг ведет его в замок, показывает ему в одном из погребов три сундука, наполненных золотом, и велит раздать одну треть добра бедным, другую отдать королю, а третью оставить себе.

Примечательно и то, что герои немецких сказок состязаются в уме, силе и ловкости с драконами, великанами, ведьмами, оборотнями и всегда выходят победителями из трудной борьбы. Злые силы

отступают, справедливость торжествует, счастье улыбается смельчаку: он добывает богатство, становится обладателем волшебных предметов или получает в жены красавицу принцессу («Храбрый портняжка», «Золотой гусь», «Стоптаные туфельки» и др.).

В русских сказках мы отмечаем нечто иное. Никто не собирается с кем-либо делиться полученным богатством или красотой. Сходство сказочных мотивов обусловили социальная среда возникновения самой сказки, общность исторических условий определенных эпох, в которых проживали немцы и русские. Нельзя не отметить и бережно сохраненные многие, дорогие каждому немцу и русскому сказочные образы, которые быстро бы стерлись в народной памяти, если бы не несли в себе ценности человеческой жизни.

Реальную основу и свой социально-исторический смысл имеют сюжеты о младшем брате и гонимой падчерице. Это типичные сюжеты, которые сложились, следуя прежним традициям, сказка воспроизводит бедствия и страдания героев. Сказочники неизменно позволяют героям торжествовать над силами зла. Сказочным героям приходится терпеть лишения, блуждать в дремучем и страшном лесу, терять своих близких и родных, падать в бездонные ямы, встречать на своем пути разные чудовища и становиться жертвами колдунов. Но даже при всех этих невзгодах они не сомневаются в своей победе и последующем благополучии.

Наши наблюдения позволяют отметить, что и у немецкого, и у русского народов встречаются сказки о падчерице, о младшем сыне-дурачке, который всегда оказывается умнее и добрее своих «умных» братьев, и о чудесных помощниках человека – животных. Большинству немецких и русских волшебных сказок свойственны также мотивы дома и дороги. Тем не менее, и здесь существуют определенные различия. Примером может служить тот факт, что в немецкой

волшебной сказке герой занят обычно поиском себя – своего места в жизни, своей идентичности и самобытности, а герой русской сказки – поиском «мира», в котором он окажется нужным и полезным.

В сказках обоих народов мы отмечаем, что их героям часто приходится искать выходы из сложных жизненных ситуаций, например воздвигать в течение одной ночи дворцы, отгадывать трудные загадки или же преодолеть невероятные пространства. Более того, во многих случаях сказочные персонажи предстают перед нами в начале повествования обычными деревенскими юношами или даже дурачками. Но преодоление сложных испытаний, непосильных обычному мирянину, становятся началом их физического и нравственного «перерождения», пройдя которое они оказываются намного умнее и счастливее других.

Лингвистический же анализ широкого спектра образов персонажей позволяет вскрыть и четко обозначить национальную специфику сказок обоих народов. Например фольклорная немецкая ведьма, в отличие от «двойственной» русской Бабы Яги, совершающей и много полезных дел, является исключительно отрицательным персонажем, воплощением зла. Особая активность ведьм в Германии на горе Брокен, высшей точке Гарца, берущая свое начало еще из времен язычества, проявляется в канун, где они в ночь (Вальпургиева ночь) на 1 мая устраивают свой шабаш. При этом нельзя не отметить, что образ ведьмы, который как раз и был положен в основу многочисленных сказок, сформировался в германских легендах, поверьях и сказках, конечно же, намного раньше.

По определению Йозефа Ханзена, одного из ведущих классиков истории ведовства в Германии, ведьмами были очень негативные личности, которые заключали договор с дьяволом. В основном это были представительницы женского пола. А самым излюбленным временем для совер-

шения черных дел была ночь – то время, когда ведьма всемогуща и может изменять свой облик: предстать в образе другой женщины, превращаться в животное или птицу, а также перемещаться с помощью метлы или на вилах и козлах. Местом ее обитания был обычно незаметный или невидимый домик в дремучем темном лесу. Неприглядность внутреннего убранства свидетельствует о недобром характере и злом отношении его хозяйки к любому человеческому существу, которое случайно оказывается у нее «в гостях».

Широко известным и ярким персонажем германской мифологии является фрау Холле (Frau Holle), мифоним, который имеет общую черту с персонажем русских сказок – Бабой-Ягой. При этом одна нога у обеих необычная и страшная: у Бабы-Яги – костяная или железная, а у фрау Холле – одна шире другой. В немецком фольклоре Фрау Холле – языческая богиня смерти, которая известна как Госпожа Метелица. Этимологию самого образа проследить достаточно сложно, правда, считается, что данный персонаж берет свое начало из скандинавской мифологии. В русских переводах волшебных сказок это имя трансформировано как «госпожа Метелица», вследствие того, что во время перетряхивания ею своей перины на Земле наступает зима и идет снег.

К ведьмам можно отнести и волшебницу из сказки «Йоринда и Йорингель», а также крестную из «Рапунцель» и стряпуху из «Найденыша». Подобные отрицательные героини присутствуют также в сказках «Белоснежка» и «Братец и сестрица».

Ведьма выступает часто «наставницей» девушек-подростков и всеми силами противостоит главному герою. «Хозяйка дома» подслеповата, как пишут Я. и В. Гримм: *«У ведьм всегда бывают красные глаза, и видят они вдаль плохо, но зато у них нюх, как у зверей, и они чуют близость человека»* Кстати, само немецкое слово *Hexe* «ведьма» имеет в своем составе корень *hag-*, обознача-

вший «забор, преграду, огороженное возделываемое поле» [3].

С детских лет многим известен отрицательный образ Бабы-Яги из русских волшебных сказок, который предстает перед читателем в трех ипостасях: Дарительница, Похитительница и Воительница, обычно злая и жестокая. Место обитания Бабы-Яги изображается, как правило, в виде подземного царства, дремучего леса с избушкой на курьих ножках или болота. Баба-Яга в такой избушке подразумевалась живым мертвецом, она лежала на печи и не видела людей, входящих из мира живых (живые не видят мертвых, мертвые не видят живых). Единственный вход в избушку без окон был повернут к лесу, т.е. к миру мертвых [4].

При приходе Ивана она находится в избушке на печке, на лавке или на полу и занимает собой всю избу. Впереди голова, в одном углу нога, в другом другая [5]. «На печке лежит Баба Яга, костяная нога, из угла в угол, нос в потолок врос», «морда жилистая, нога глиняная» [там же: 283]. Слово *нос* очень информативно, «так как соединяет в себе самые разнообразные функции – коннотативную, когнитивную, фагическую, метаязыковую, поэтическую» [6 : 230]. Тем не менее, нельзя забывать и о том, что, несмотря на страшный образ Бабы-Яги, ей не чужда такая черта, как «широта русской души» [2]. С этим мы сталкиваемся при ее встречах и беседах с героями сказок: «Откуда ты идешь? Куда путь держишь?» Более того, пришедшим к ней героям сказок она обязательно даст поесть, попить и предоставит возможность поспать.

Проанализировав значительный объем материала русских волшебных сказок, мы склонны констатировать, что добрая ипостась Бабы-Яги встречается в 79% русских сказок, злая составляет 21%. Для выражения авторской оценки по отношению к определенному персонажу и формированию таковой у читателя в текстах обоих языков отмечены также мно-

гочисленные случаи привлечения тропов [7], например эпитетом, выраженным существительным или прилагательным: Баба-Яга («баба-задворенка», «злая баба») – *die Baba Jaga*; «костяная нога» – *die Hexe Knochenbein* («ведьма – костяная нога»: метонимия); «ведьма» – *die Hexe*; *Baba Jaga die Unke* – «баба - яга – предвестница беды» (*Unke* – 1. зоол. жерлянка (*Bombina Oken*) 2. разг. предвестник беды» [8: 879], «старая ведьма» – *alte Hexe*. Интересен вариант описания *alter Hexenbraten* («старое колдовское жаркое») – сложное слово, образованное от *Braten* – «жаркое»; *Hexe* – «ведьма, колдунья, чародейка» [там же: 184, 440].

При сопоставлении немецкой и русской сказок сразу же бросается в глаза тот факт, что при достаточно большом концептуальном сходстве образов в этимологии имен героинь не просматривается ничего общего. Персонаж фрау Холле достаточно мрачный и ассоциируется в сознании читателя с царством мертвых. Даже маленький штрих подчеркивает ее образ:

Endlich kam es (Das arme Mädchen – J.N.) zu einem kleinen Haus, daraus guckte eine alte Frau, weil sie aber so große Zähne hatte, ward ihm angst, und es wollte fortlaufen. / (Пришла она (Бедная девушка – Ю.Н.) к избушке и увидела в окошке старуху, и были у той такие большие зубы, что стало ей страшно, и она хотела было убежать).

Таким образом, материал нашего исследования свидетельствует о том, что немецким и русским сказкам присущ свой, ярко выраженный национальный характер, поскольку в своей основе они содержат жизненный уклад обоих народов, местные природные условия, трудовые процессы и специфику той давно ушедшей среды. При этом народная фантазия не поспешила на создание страшных чудовищ, безжалостных злодеев. Отрицательные персонажи в русских и немецких сказках характеризуются, с одной стороны, схожестью общечеловеческих свойств и качеств, а с другой стороны – несовпадением типов и видов речевых / языковых описаний героев.

Примечания:

1. Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. М.: Академия исследований культуры, 2005. 240 с.
2. Нечай Ю.П., Шишкина А.Г. Немецкая и русская ментальность и этнокультура в языковом пространстве // Когнитивная парадигма ментальности в этнолингвокультурном пространстве: кол. монография. Майкоп, 2015. С. 175-194.
3. Рапопорт А.Д. Эти страшные немецкие сказки // Папмамбук: Интернет-журнал. 2014. URL: <http://www.papmambook.ru/articles/632/>
4. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 586 с.
5. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. Полное издание в одном томе. М.: Альфа-книга, 2010. 1088 с.
6. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Образ. Символ. М.: Прогресс, 1995. 624 с.
7. Нечай Ю.П., Цепордей О.В. Модальность в художественных текстах романов Э.М. Ремарка и способы ее передачи в русских переводах // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп: Изд-во АГУ. 2014. Вып. 3 (145). С. 54-60.
8. Немецко-русский (основной) словарь / под ред. К. Лейн. М.: Рус. яз., 1993. 1040 с.

References:

1. Meletinsky E.M. The Hero of a Fairy Tale. M.: Academy of Cultural Studies, 2005. 240 pp.

2. Nechay Yu.P., Shishkin A.G. German and Russian Mentality and Ethnic Culture in the Language Space // Cognitive paradigm of mentality in etnolinguocultural space: a collective monograph. Maikop, 2015. P. 175-194.
3. Rapoport A.D. These Terrible German Fairy Tales // «Papmambuk» – online-magazine 2014. (<http://www.papmambuk.ru/articles/632/>)
4. Rybakov B.A. Paganism of Ancient Slavs. M.: Nauka, 1981. 586 pp.
5. Afanasyev A.N. Russian Fairy Tales. Complete edition in a single volume. M.: Alpha-kniga, 2010. 1088 pp.
6. Toporov V.N. Myth. Ritual. Image. Symbol. M.: Progress, 1995. 624 pp.
7. Nechay Yu.P., Tsepordey O.V. Modality in fiction texts of E.M. Remarque's novels and ways of its transfer in Russian translations // Bulletin of Adyghe State University. Ser. Philology and the Arts. Iss. 3(145). 2014. P. 54-60.
8. German-Russian (basic) Dictionary / ed. by K. Lane. M.: Rus. yaz., 1993. 1040 pp.